

Макарова Наталья Владимировна

**ЧИНОВНИЧЕСТВО РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА И III ОТДЕЛЕНИЕ
СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ: ПРОБЛЕМА
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Статья построена на архивных делах III Отделения, которые отражали участие "высшей" полиции в процессах упорядочения государственной службы. На примере судеб отдельных чиновников показан процесс участия верховной власти в формировании современного управленческого корпуса, а также рассмотрена проблема взаимоотношений чиновничества и верховной власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/35.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 133-138. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Однако культурное развитие села в 1960-1970-е гг. имело противоречивый характер: с одной стороны, наблюдалось широкое клубное и библиотечное строительство, с другой стороны, этот процесс имел недостатки в объемах и сроках выполнения. Наряду с активным строительством сельских учреждений культуры существовали и определенные проблемы, связанные с ремонтом старых зданий, не во всех районах темпы строительства были удовлетворительными. Репертуар отдельных агиткультбригад не всегда соответствовал их предназначению: вместо повышения боевого духа сельских тружеников – направлял на пьянство и другие формы отклоняющегося поведения. Вопросы повышения производительности труда за счет активного клубного строительства, вовлечения селян в художественную самодеятельность активно обсуждались на партийных собраниях, принимались меры по устранению недостатков, однако это носило непоследовательный характер. Тем не менее разрыв между городом и деревней в культурном развитии продолжал оставаться, добиться паритета не удалось.

Список литературы

1. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 285.
2. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 296.
3. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 305.
4. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 314.
5. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 323.
6. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 349.
7. Григорьева Е. А. Культурное развитие красноярской деревни в 1960-е - 1980-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kulturnoe-gazvitie-krasnoyarskoi-derevni-v-1960-1980-e-gg> (дата обращения: 20.08.2011).
8. Зыкова А. В. Поход за повышение культуры села в 1960-1962 годах на Южном Урале (на материалах Оренбургской области) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/142/012.pdf> (дата обращения: 20.08.2011).
9. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири: 1960-е - 1980-е гг. Новосибирск: Наука, 1991.
10. Хрестоматия по истории Курганской области: 1946-1996. Курган, 1998.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 74.
12. ЦДООСО. Ф. 790. Оп. 1.

**VILLAGE CULTURAL DEVELOPMENT IN THE 1960S – 1970S
(BY THE MATERIALS OF SVERDLOVSK AND KURGAN DISTRICTS)**

Nelli Anatol'evna Lushnikova
Department of Philosophy and History
Kurgan State Agricultural Academy named after T. S. Mal'tsev
Best-nelly@mail.ru

The author analyzes the archival materials of Kurgan and Sverdlovsk districts and concludes that village cultural development in the 1960s – 1970s had a contradictory character which was expressed in the uneven development of urban and village culture: there was wide cultural departments construction but the process had flaws in scope and execution period.

Key words and phrases: culture; club; culture centre; library; cultural propaganda team; cinema auditorium; amateur art activities; concert.

УДК 94[47]

Статья построена на архивных делах III Отделения, которые отражали участие «высшей» полиции в процессах упорядочения государственной службы. На примере судеб отдельных чиновников показан процесс участия верховной власти в формировании современного управленческого корпуса, а также рассмотрена проблема взаимоотношений чиновничества и верховной власти.

Ключевые слова и фразы: чиновничество; формулярный список; карьера; жалобы и прошения чиновников.

Наталья Владимировна Макарова, к.и.н., доцент
Кафедра общегуманитарных дисциплин
Институт сервиса Российского государственного университета туризма и сервиса, г. Москва
makarowa19@yandex.ru

**ЧИНОВНИЧЕСТВО РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА И III ОТДЕЛЕНИЕ
СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ:
ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ©**

Взаимоотношения верховной власти и чиновничества в России являются актуальной темой для исследователя, так как эти взаимоотношения достаточно противоречивы и имеют много нерешенных проблем.

Чиновничество есть опора верховной власти, с одной стороны, но в то же время, находясь близко к власти, пытается ее использовать с выгодой для себя, с другой стороны.

Российское чиновничество в первой половине XIX века играло заметную роль в государственном управлении страны. Николай I специальным указом (1827 г.) окончательно запретил прием на службу лиц из податных сословий, сделав исключение лишь для выпускников учебных заведений, дававших при окончании курса классные чины (университеты, духовные академии и семинарии, лицеи и училища высших наук). Основу центрального чиновничьего аппарата составляло дворянство, но на местах немало было выходцев из разночинных слоев: семинаристы, люди интеллигентных профессий – врачи, учителя, адвокаты, иногда его пополняли купцы и мещане. Слой чиновников охотно пополняли и офицеры в отставке, нередко иностранного происхождения.

Верховная власть в лице государя императора всероссийского видела в чиновничестве не только свою опору, но и достаточно самостоятельную часть населения, к тому же обладавшую властью, особенно на местах.

Мы остановимся на проблеме взаимоотношений чиновничества и верховной власти в эпоху царствования Николая I. Эта проблема изучалась в отечественной историографии советскими историками П. А. Зайончковским, Н. П. Ерошкиным, С. М. Троицким [29-32; 39]. В настоящее время этой проблематикой занимаются российские исследователи В. В. Амелина, А. П. Корелин, О. В. Морякова, Л. Ф. Писарькова, Л. Е. Шепелев [1; 34; 35; 37; 38; 41; 42].

Новизна нашего подхода связана с тем, что мы включили в научный оборот архивные дела III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, в которых отразились взаимоотношения чиновничества и государя императора. В связи с такой постановкой проблемы встает ряд вопросов: зачем чиновники обращались напрямую к государю, ведь непосредственным начальником над ними был, как правило, министр; что просили они у императора; как он мог повлиять на их служебную карьеру и их судьбу?

Архивы III Отделения сохранили значительное количество дел, связанных с чиновничеством, включая и высших чиновников – губернаторов и министров. Рассмотренные нами дела позволяют судить о взаимоотношениях управленческого аппарата и верховной власти во второй четверти XIX в., а также ответить на вопрос: кем была верховная власть для российского чиновника – строгим контролёром или все же в целом стояла на его стороне?

Итак, через III Отделение верховная власть делала попытки контролировать деятельность российского чиновничества. Сюда стекались дела о злоупотреблениях чиновников, рассматривались жалобы и доносы на них, а также награждения или наказания чиновничества. Но и сами чиновники нередко обращались сюда для решения своего дела, просили помиловать или вновь вступить в государственную службу. Как правило, дела, связанные с чиновничеством, проходили по 1-ой экспедиции III Отделения, так как именно здесь концентрировались сведения наибольшей государственной важности.

Прежде всего, под контроль III Отделения попадали губернаторы военные и гражданские, а затем и чиновники, занимающие более скромные должности, по злоупотреблениям служебным положением. В архивах 1-й экспедиции сохранились дела: о злоупотреблениях в Псковской губернии [3, д. 119, л. 1], о беспорядках в Тульской губернии и доносе на тульского гражданского губернатора Трейблута и чиновников [4, д. 128, л. 1], о злоупотреблениях в Орле чиновников путей сообщения, «в особенности подполковника Суровцева» [3, д. 252, л. 1], о злоупотреблениях в Полтавской и Черниговской губерниях и по лесной части в Таврической губернии и «тамошнем губернском лесничем подполковнике Мейне» [5, д. 60, л. 1, д. 130, л. 1], о несогласии членов Ярославского губернского правления и «происшедших оттого беспорядках в делах» [Там же, д. 213, л. 1], о беспорядках и злоупотреблениях по Бессарабской области [Там же, д. 235, л. 1], о «безыменном доносе» на Минского гражданского губернатора Гечевича [Там же, д. 314, л. 1], о гродненском гражданском губернаторе Бобятинском, «обвиненным в слабых и подозрительных будто бы действиях» [6, д. 298, л. 1-2], о беспорядках в Харьковском губернном правлении и «советнике онога Прокоповиче» [8, д. 317, л. 1], о злоупотреблениях чиновников Вятской «градской полиции» [9, д. 43 А, л. 2], об удалении от службы Ярославского военного губернатора генерал-майора Полтарацкого [13, д. 178, л. 1], о злоупотреблениях екатеринославского гражданского губернатора Лонгинова «при продаже леса, пожертвованного помещиком Родзянко» [11, д. 109, л. 1]. Мы перечислили нарушения лишь в 13 губерниях и областях Российской империи, причем первыми лицами губернии или крупными чиновниками, но и они показывают размах чиновничьих злоупотреблений.

По всем делам, как правило, готовился «всеподданнейший доклад» императору Николаю Павловичу, и он решал, отдать ли провинившихся под суд, наложить взыскание административное (ссылка в отдаленные губернии или штраф), наказать ли по службе, лишив должности или наград. Провинившихся чиновников, особенно губернаторов, которые допустили злоупотребления, смещали, а на их место назначались новые, и назначение проходило через III Отделение. Например, в г. Тамбов был назначен гражданский губернатор «на место действующего статского советника Миронова» [6, д. 276, л. 1].

Проблема злоупотреблений и «лихоимства» чиновников остается одной из центральных у исследователей, и в целом все они сходятся на том, что мизерное жалованье местного чиновника просто не позволяло ему прожить, особенно с семьей. Так, по сведениям П. А. Зайончковского, в 1857 г. на гражданской службе состояло 122 212 человек, в том числе 70 446 чиновников 9-14 класса (57,6%) и 32 073 канцелярских служащих (26,2%), что составляло около 84% всех служащих (102 519 человек) [32, с. 68-69]. Цифры показывают, что основную массу чиновников составляли чиновники-исполнители, которые оплачивались очень скудно. По записям современников, канцелярский служащий получал всего 10 рублей в месяц.

Вернемся к делам III Отделения. Верховная власть желала также знать о тех чиновниках, которые ранее были отставлены от службы за какие-либо нарушения. В 1-ой экспедиции есть дело, в котором сохранились

списки чиновников, «отставленных от службы без учреждения за ними надзора» [14, д. 61, л. 1], а также списки чиновников, состоящих под надзором полиции [6, д. 796, л. 2-5]. Под надзор «высшей» полиции попали и находящиеся в С.-Петербурге чиновники, «каковы родом из Польских губерний» [Там же, д. 503, л. 1]. В 1848 г. верховная власть запретила проживать в столице всем чиновникам, «которые за преступления и дурные поступки отставлены от службы» [14, д. 43, л. 1].

Под контролем III Отделения состояли и чиновники «иностранных исповеданий», которые служили, как правило, в центральных учреждениях Российской империи [6, д. 361, л. 1].

Верховная власть и правительство не оставляли также без внимания местности, где недоставало грамотных чиновников, о чем формировались дела в III Отделении. Так, по представлению генерал-майора Вельяминова сообщается о недостатке способных чиновников в Кавказской области [27, д. 237, л. 3].

Жандармские офицеры выявляли на местах не только факты злоупотреблений, но и собирали сведения о «невыгодных» слухах о местном чиновничестве и их образе мыслей и образе жизни. Рапорты жандармских офицеров направлялись шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, и по ним формировались дела, которые частично сохранились в архивах «высшей» полиции. Так, например, сообщено о буйных поступках нижегородского гражданского губернатора Кривцова [3, д. 73, л. 1], о «предосудительных поступках» секретаря киевского гражданского губернатора титулярного советника Жандра [Там же, д. 89, л. 1], о «собрании сведений о поведении» начальника Одесского таможенного округа Бологовского [5, д. 108, л. 1], о «своевольных поступках» рязанской полиции против титулярного советника Гуляева [Там же, д. 221, л. 1], о поступках симбирского гражданского губернатора Загряжского [9, д. 338, л. 1].

Часть дел сообщает о «слухах» и «мнениях» насчет чиновничества. Например, сохранились дела о невыгодных слухах «насчет гражданских чиновников Екатеринославской губернии» [3, д. 203, л. 1], «насчет чиновников Пензенской губернии» [4, д. 64, л. 1], «о невыгодных отзывах» насчет рязанского гражданского губернатора Карцова [Там же, д. 425, л. 1], о «невыгодных сведениях на счет действий и качеств» ярославского вице-губернатора Ковалевского [12, д. 215, л. 1], о «неблагоприятных сведениях» насчет генерал-губернатора Восточной Сибири генерала Руперта [13, д. 157, л. 1].

Следует учесть, что вовсе не обязательно сведения, собранные жандармскими офицерами, использовались как материалы уголовных и гражданских дел против чиновников. Чаще эти сведения доставлялись государю по его требованию, но еще чаще шеф жандармов А. Х. Бенкендорф отправлял их министру того ведомства, к которому относился чиновник, с указанием «принять к сведению». Министр, понимая, что этот «отчет» III Отделения будет доложен императору, старался, в свою очередь, принять необходимые меры для улучшения ситуации.

В 1-й экспедиции сохранилось достаточно дел и об уголовных преступлениях конкретных чиновников. Так, подполковник Приклонский доносил из Рязани, что губернский секретарь Таптыков за прелюбодеяние со своими крепостными был предан суду Св. Синода, который приговорил продержать его в монастыре 1 год, а затем 7 лет под надзором священника [4, д. 101, л. 1-3, 11-15]. А титулярный советник Протопопов и другие присвоили три билета «сохранной казны на 300 тысяч рублей» [3, д. 258, л. 1-2]. Известный для своего времени чиновник – статский советник Магницкий был уличен в растрате денег Казанского университета [Там же, д. 310, л. 1].

Иногда III Отделению случалось оправдывать чиновников, которые попадали под суд. За 1829 г. сохранилось дело «Об оправдании Пензенскою уголовною палатою 160 чел. чиновников, преданных суду сенатором Горголием» [5, д. 462, л. 1].

Конечно, чиновники времен Николая I понимали, что находятся под контролем не только своих министерств, но и «высшей» полиции, поэтому между ними и офицерами Корпуса жандармов нередко вспыхивали конфликты, разбирались дела, часть из которых сохранилась. К тому же в 1832 г. верховная власть обязывает всех жандармских штаб-офицеров доставлять сведения «об образе жизни и мыслей чиновников и других сословий в губерниях» [7, д. 494, л. 1-2]. Так, костромской гражданской губернатор Муравьев и вице-губернатор князь Гагарин имели «неприятное отношение» к подполковнику Корпуса жандармов Шевелеву [26, д. 289, л. 1], «неудовольствие» также возникло между волынским гражданским губернатором Авериним, военным губернатором Потемкиным и Корпуса жандармов полковником Эйлером [6, д. 46, л. 1].

Не только местные чиновники, но и чиновники центральных учреждений, особенно министерств, находились под контролем «голубого» ведомства. Сохранились дела о «невыгодных слухах» насчет чиновников Министерства юстиции и Правительствующего Сената [4, д. 82, л. 1], а также «о действиях» чиновника Министерства финансов Завилейского [3, д. 25, л. 1] и служащих в Сенате капитане А. Лобове и канцеляристе П. Шапкине [Там же, д. 397, л. 1].

Выявление злоупотреблений, преступлений и наблюдение за чиновниками, а также сбор информации о них были не единственными направлениями действий III Отделения в отношении чиновничества.

Нередко III Отделение ходатайствовало о награждении отличившихся чиновников: поощрение лучших тоже входило в обязанности шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа. Прежде всего, награждались чиновники «по ведомствам шефа жандармов». Это служащие III Отделения и офицеры Корпуса жандармов. В 1829 г. на эти цели А. Х. Бенкендорф просит у царя 10 тыс. рублей [5, д. 10, л. 1-3]. В 1849 г. смотрителю Алексеевского равелина в С.-Петербургской крепости подполковнику Яблонскому был пожалован орден Св. Анны 2-ой степени [15, д. 164, л. 1], а коллежский регистратор Емельянов получил 300 рублей серебром «из остатков штатной суммы Алексеевского равелина» [Там же, д. 442, л. 1].

1-я экспедиция сохранила также дела, в которых за определенные заслуги или поступки чиновники поощрялись верховной властью. Так, елецкий земский заседатель Ададунов был награжден за отличную службу в размере 1500 руб. (отметим, что местный чиновник среднего звена получал в год около 200 рублей)

[3, д. 185, л. 1], а председателю Ярославской уголовной палаты Юмкову был «пожалован» пенсией по новому окладу и была предложена губернаторская должность [4, д. 63, л. 1]. Была отмечена отличная служба секретаря Малоархангельского уездного суда Говорова [5, д. 121, л. 1], награжден змиевский городничий Белозеров «за долговременную ревностную службу» [Там же, д. 378, л. 1], а титулярному советнику Вороненко за отличную службу при генерал-лейтенанте Волкове, начальнике одного из жандармских округов, было разрешено поместить сына кандидатом в Московский кадетский корпус [6, д. 206, л. 2]. Доложено также было государю об отличной службе вятского губернского почтмейстера Казимировского и председателя уголовной палаты Капылова, за этим следовало, как правило, представление к награде [Там же, д. 747, л. 1-2].

Некоторым чиновникам за отличную службу ликвидировалось прежнее наказание. Например, даниловский предводитель дворянства Философов получил разрешение «исключить из формулярного его списка бытности под судом» [Там же, д. 697, л. 1].

Поощрялись также губернаторы и вице-губернаторы, предводители дворянства, если того заслуживали. Например, был поощрен «за усердие по службе» орловский вице-губернатор Бурнашов [5, д. 464, л. 1], а тульский губернский предводитель дворянства Арапетов награжден орденом Св. Анны 2-й степени (отметим, что чиновники за службу получали, как правило, ордена Св. Анны и Св. Владимира) [12, д. 106, л. 1].

Не часто, но награждались целые группы чиновников, как правило, за участие в раскрытии злоупотреблений или за службу на новых территориях. Так, в 1831 г. было награждено несколько чиновников Новороссийского края, который тогда активно осваивался [6, д. 606, л. 1-3]. По представлению сенатора графа Воловича были награждены чиновники Белостокской области [Там же, д. 746, л. 1-2]. В 1848 г. были награждены некоторые чиновники и нижние чины, «находящиеся при производстве дел в Виленской следственной комиссии над политическими преступниками» [14, д. 411, л. 1]. В 1841 г. правительство «по высочайшему повелению» императора издает правила «касательно награждения чиновников подарками» [12, д. 129, л. 1-2].

III Отделение собирало также сведения и о тех чиновниках, кто в данный момент не награждался, но служил «с усердием» и обладал хорошей «нравственностью» для будущих поощрений и продвижений по службе. Так, в 1836 г. было сформировано дело по некоторым чиновникам в губерниях Пермской, Тобольской, Томской и Омской областей, «отличившимся усердием к службе» [11, д. 18, л. 1].

Но бывали случаи, когда жандармские офицеры выявляли несправедливое представление к наградам, и тогда возникало специальное разбирательство в III Отделении, которое заканчивалось выговором губернатора и «отрешением от наград» чиновников. Так, в 1828 г. подполковник Жемчужников опротестовал представление орловского гражданского губернатора «к монаршему награждению» 13 чиновников, которые были «лицами недостойными». К шефу жандармов поступили сведения о чиновниках, которым было отказано в награждении, но и они в свою очередь жаловались на Жемчужникова и требовали от него справок об отказе [4, д. 54, л. 1, 5, 9, 17].

Еще одной стороной взаимодействия российских чиновников и верховной власти в лице III Отделения были обращения служащих, их жалобы, просьбы, да и доносы на своих сослуживцев. Рядовые чиновники искали у верховной власти поддержки, справедливого решения, просто материальной помощи в трудную минуту и часто все это получали. Просьб и обращений было очень много, но мы перечислим лишь характерные из них.

Часто просились на государственную службу отставные чиновники и военные, а также помещики. Так, отставной гвардейский капитан Васьков просит определить его в гражданскую службу [3, д. 125, л. 1], и полковник Беклешев тоже просится в гражданскую службу [4, д. 435, л. 1], а статский советник Нефедьев просит определить его к должности [3, д. 128, л. 1]. Помещик Виленской губернии Белинский просит «дозволения вступить в службу» [7, д. 163, л. 1].

Много сохранилось просьб чиновников об устройстве своих детей на учение или на службу. Сенатский регистратор М. Васильев просит определить его сыновей в службу [3, д. 274, л. 1]. И оправданный бывший владимирский гражданский губернатор граф Апраксин просит определить своего сына в Пажеский корпус [Там же, д. 388, л. 1]. Также ярославский почтмейстер Комаров просит определить детей в артиллерийское училище [5, д. 134, л. 1]. Ярославский городничий Рудаков просит поместить сына в 1-й кадетский корпус [Там же, д. 168, л. 1].

Просили наказанные чиновники о поступлении на службу вновь, возвращении наград, оставлении «на жительство» в столице. Находящийся под судом титулярный советник Федоровский просит дозволения вступить в службу «настоящим чином» [3, д. 389, л. 1]. Бывший житомирский земский исправник Рудзковский просит вернуть ему орден Св. Анны 3-й степени, которого он был лишен по суду [7, д. 398, л. 1]. Отставной аудитор Петров просит оставить его в С.-Петербурге «на жительство» [9, д. 310, л. 1]. Иногда за наказанных чиновников просили их родственники об облегчении участи. Так, просили облегчить участь отца своего, лишённого чинов, девицы Подколзины [5, д. 155, л. 1].

Основная часть чиновничества жила небогато, даже бедствовала. Поэтому дел, связанных с бедственным положением семей чиновников, мы находим в архивах III Отделения достаточно. Например, одно из дел сообщает о «бедственном положении семейства умершего моголевского вице-губернатора статского советника Дзигканца» [Там же, д. 252, л. 1-2]. Еще одно дело связано с бедственным положением коллежского советника Тихановича и «определением» его в службу [Там же, д. 321, л. 1]. Секретарь Российского суда Иван Станковский был «всемилоостивейше пожалован» денежным пособием [6, д. 292, л. 1]. В «бедственном положении» оказался бывший сенатор генерал-майор Олсуфьев [Там же, д. 293, л. 1].

Известны и случаи доносов чиновников, видимо, с целью выслужиться. Например, отставной коллежский регистратор Нестеров доносит о «значительном казенном ущербе» [10, д. 66, л. 1], а аудитор Андреев просит донести о «каком-то важном деле» [Там же, д. 114, л. 1].

В итоге следует отметить, что архивы III Отделения содержат еще большое количество материалов, которые помогут представить взаимоотношения верховной власти и российского чиновничества второй четверти XIX века. Но и использованная нами часть архивных дел позволяет сделать вывод о том, что *верховная власть была не только строгим контролёром для российских чиновников, но и опекуном, и материальным донором*, к которому чиновник мог всегда обратиться для защиты и поддержки. Если чиновник переставал служить по причине наказания или смерти, его семья знала, что за помощью она может обратиться к императору через посредство III Отделения. Поэтому проблема взаимоотношений верховной власти и исполнительной власти в лице чиновничества представляется более сложной, чем отношения контроля-нарушения-исполнения.

Чиновники, конечно, чувствовали контроль со стороны государя императора Николая Павловича, но этот контроль был контролем заботливого отца, который всегда приходит на помощь в сложной жизненной ситуации и если карает, то справедливо. И так, *верховная власть вынуждена была стоять на стороне российских чиновников, так как других управленцев у нее просто не было*. Взаимоотношения императора и чиновников были отношениями необходимости: верховной власти для управления огромными территориями необходимы были чиновники, особенно на местах, а они, в свою очередь, рассматривали верховную власть как опору в своей карьере.

Следует сделать еще одно замечание, которое поможет ответить на вопрос о том, почему чиновники обращались к верховной власти с бесконечными просьбами и жалобами. По подсчетам А. П. Корелина, в 1836-1843 гг. около 65% служащих, получивших чин коллежского асессора, а с ним и потомственное дворянство, происходили из духовенства, почетных граждан, купечества и мещанства, то есть они были выходцами из податных сословий [33, с. 26], следовательно, их социальное и материальное положение целиком зависело от службы, а на службе – от начальства и верховной власти.

Еще одна сторона взаимоотношений связана с представлениями чиновничества о верховной власти как источнике благосостояния, а порой и жизни, поэтому верховная власть с их стороны порой обожествлялась. Сам же император считал, что должен быть защитником и заступником своих подданных, и добровольно брал на себя трудную миссию «помазанника Божия». Эту психологическую сторону отношений, на наш взгляд, нельзя не учитывать во взаимоотношениях российского чиновничества и верховной власти.

Список литературы

1. Амелина В. В. Государственная служба в Российской империи: первая половина XIX в. Новосибирск, 1995. 43 с.
2. Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с «учреждения о губерниях» 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. 222 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 2.
4. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 3.
5. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 4.
6. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 6.
7. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 7.
8. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 8.
9. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 9.
10. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 10.
11. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 11.
12. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 16.
13. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 17.
14. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 23.
15. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 24.
16. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 27.
17. ГАРФ. Ф. 109. 1-ая экспедиция. Оп. 29.
18. Дубенцов Б. Б. Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX века // Проблемы отечественной истории. М. – Л., 1976. Ч. 1.
19. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд-е 2-е. М., 1968.
20. Ерошкин Н. П. Самодержавие первой половины XIX века и его политические институты. М., 1975.
21. Ерошкин Н. П. Чиновничество // Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т. 1.
22. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1972. 288 с.
23. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России: 1861-1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
24. Корелин А. П. Российское дворянство и его сословная организация // История СССР. 1971. № 5.
25. Красняков Н. И. Эволюция имперской функциональности механизма Российского государства: XVIII – первая половина XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 82-86.
26. Макарова Н. В. Губернаторская власть и 3-е Отделение С.Е.И.В.К. в эпоху правления Николая I // Научные труды международной научно-практической конференции ученых МАДИ (ГТУ), РГАУ-МСХА, ЛНАУ (17-18 января 2008 года). М. – Луганск: Изд-во МАДИ (ГТУ), РГАУ-МСХА, ЛНАУ, 2008. Т. 3. История. Философия.
27. Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998. 268 с.
28. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.
29. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII-XIX веках: формирование бюрократии. М., 1974.
30. Тростянский А. Г. Провинциальная судебная бюрократия третьей четверти XIX в. (на материалах Пензенской и Самарской губерний) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2. Ч. 3. С. 190-192.
31. Шепелев Л. Е. Отмененные истории: чины, звания, титулы Российской империи. Л., 1977.
32. Шепелев Л. Е. Шляпа должна быть с галуном // Родина. 1996. № 3. С. 49-52.

RUSSIAN OFFICIALDOM IN THE SECOND QUARTER OF THE XIXTH CENTURY AND THE IIIRD DEPARTMENT OF HIS IMPERIAL MAJESTY OFFICE: RELATIONSHIP PROBLEM

Natal'ya Vladimirovna Makarova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of General Classical Disciplines
Institute of Service of Russian State University of Tourism and Service in Moscow
makarowa19@yandex.ru

The author studies The IIIrd Department by the archival materials which reflect “higher” police participation in civil service regulation process, shows the supreme power participation in contemporary administrative body formation by the example of some officials’ fates as well as considers relationship problem between the officialdom and the supreme authority.

Key words and phrases: officialdom; formulary list; career; officials’ complaints and petitions.

УДК 94(47+57)

Статья раскрывает специфику проведения культурно-просветительной работы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии во время Советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Автором показаны особенности данного вида идеологической деятельности применительно к условиям и характеру боевых действий на северо-западных рубежах нашей страны.

Ключевые слова и фразы: Советско-финляндская война; Красная Армия; культурно-просветительная работа; культпросветучреждения; боевая готовность.

Андрей Викторович Македонский, к.и.н., доцент
Кафедра истории, философии и социологии
Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства
siu1104@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В РККА В ХОДЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ©

На протяжении 1929-1940 гг. Советский Союз участвовал в нескольких военных конфликтах и войне. Это, прежде всего, события на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 году, вооруженные столкновения между частями Красной Армии и японской квантунской армии в районе озера Хасан (июль-август 1938 г.) и реки Халхин-Гол (июль-сентябрь 1939 г.), «освободительные» походы на Запад Украины и Белоруссии (сентябрь 1939 г.), «зимняя война» с Финляндией (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.).

В ходе боевых действий во время перечисленных конфликтов и Советско-финляндской войны велась интенсивная, целеустремленная идеологическая работа в частях и подразделениях и культурно-просветительная работа в частности. В ней использовались самые разнообразные формы и средства идейно-политического воспитания военнослужащих, применявшиеся в мирное время. Однако, учитывая сложность боевых условий, творчески применяя опыт Гражданской войны, политорганы сужали использование таких средств и форм работы, как крупные пропагандистские мероприятия (читательские конференции, диспуты, тематические вечера и др.), и повышали роль ударных форм воспитания – оперативной агитации, митингов и бесед.

Культурно-просветительная работа в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в ходе боевых действий была направлена на то, чтобы максимально способствовать обеспечению боевой готовности бойцов и командиров. Именно в этом заключалось ее главное, общее для всех военных конфликтов и Советско-финляндской войны, содержание. В то же время применительно к каждому из имевших место событий можно выделить свою специфику в работе культпросветучреждений. Во время событий на Китайско-Восточной железной дороге акцент делался на разъяснении личному составу политической обстановки в Маньчжурии, причин военных провокаций на советско-китайской границе и замыслов чанкайшистов. Во время боев на озере Хасан – на разоблачении захватнических планов японской армии, агрессивной политики Японии на Дальнем Востоке. В период боев на реке Халхин-Гол – на разъяснении интернациональных обязанностей, важности разгрома японских милитаристов для обеспечения безопасности дальневосточных рубежей, а также воспитании в духе интернационализма и боевого содружества с Монгольской народно-революционной армией (МНРА). Во время пребывания на территории Западной Украины и Западной Белоруссии – на разъяснении необходимости защиты населения этих земель от ига фашизма и освобождения трудящихся от гнета помещиков и капиталистов.

Наибольшее значение в процессе дальнейшего совершенствования политического и воинского воспитания личного состава Вооруженных Сил в соответствии с требованиями современной войны имел опыт культпросветработы, приобретенный политорганами и партийными организациями во время Советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Частям и соединениям Красной Армии пришлось впервые преодолевать мощную долговременную оборону противника в условиях снежной и морозной зимы, вести боевые действия